

ПРАВО

УДК 340.11

ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (Часть 1)

Е. Б. Абакумова

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Новосибирск)
civilization1981@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному теоретико-правовому анализу принципов правового регулирования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в условиях происходящей трансформации общественных отношений. Цифровые технологии сегодня развиваются настолько стремительно, что законодательство не успевает с нормативным решением возникающих правовых вызовов. В такой ситуации именно правовые принципы способны выполнить функцию опережающего регулирования, выступая в качестве нормативных маяков правовой модернизации и задавая траекторию для правотворчества и правоприменения даже при отсутствии детальных норм.

В первой части работы исследованы регуляторные парадигмы Европейского Союза, США, Китая и России в сфере ИИ, выявлены их концептуальные различия, обусловленные фундаментальными расхождениями в определении соотношения частных и публичных интересов, приоритетных ценностей правового регулирования и роли государства в развитии технологий ИИ. Особое внимание уделено критическому анализу статьи 4 Федерального закона № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», закрепляющей общие принципы правового регулирования отношений в сфере разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта в России. Автор приходит к выводу о наличии разрыва между декларируемыми целями и реальным нормативным содержанием этих принципов, что создает зону правовой неопределенности и откладывает формирование полноценного регулирования до принятия будущих подзаконных актов.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, позволяющий анализировать нормативное содержание документов; сравнительно-правовой метод, необходимый для сопоставления различных подходов к правовому регулированию; метод правового моделирования, используемый для анализа национальных регуляторных моделей и конструирования собственной системы принципов правового регулирования технологий ИИ, а также общенаучные методы анализа и синтеза.

Ключевые слова: искусственный интеллект, принципы права, правовое регулирование, AI Act, Федеральный закон № 243-ФЗ, Закон об ИИ, традиционные ценности.

Для цитирования: Абакумова, Е. Б. (2026). Принципы правового регулирования технологий искусственного интеллекта (часть 1). *Respublica Literaria*. Т. 7. № 3. С. 120-130. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.120-130.

PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES (Part 1)

E. B. Abakumova

Institute of Philosophy and Law SB RAS,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation (Novosibirsk)
civilization1981@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive theoretical and legal analysis of the principles of legal regulation of artificial intelligence (AI) technologies in the context of the ongoing transformation of social relations. Digital technologies are developing so rapidly today that legislation cannot keep up with the regulatory response to the emerging legal challenges. In such a situation, it is precisely legal principles that are capable of performing the function of anticipatory regulation, acting as normative benchmarks for legal modernization and setting the trajectory for law-making and law enforcement even in the absence of detailed regulations.

The first part of the study examines the regulatory paradigms of the European Union, the United States, China, and Russia in the field of AI, and identifies their conceptual differences, which stem from fundamental discrepancies in defining the relationship between private and public interests, the priority values of legal regulation, and the role of the state in the development of AI technologies. Special attention is paid to a critical analysis of Article 4 of Federal Law No. 243-FZ "On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation," which establishes the general principles of legal regulation of relations in the field of development, implementation, and use of large fundamental models of artificial intelligence in Russia.

The methodological basis of the study consisted of the formal-legal method, which makes it possible to analyze the normative content of documents; the comparative legal method, which is necessary for comparing various approaches to legal regulation; the method of legal modeling, which is used to analyze national regulatory models and to construct one's own system of principles for the legal regulation of AI technologies; as well as general scientific methods of analysis and synthesis.

Keywords: artificial intelligence, principles of law, legal regulation, AI Act, Federal Law No. 243-FZ, AI Law, traditional values.

For citation: Abakumova, E. B. (2026). Principles of Legal Regulation of Artificial Intelligence Technologies (Part 1). *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 3. Pp. 120-130. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.120-130.

Введение

Формирование любой новой отрасли права или межотраслевого института представляет собой сложный, многоступенчатый процесс, который закономерно начинается с выработки фундаментальных идей-принципов, определяющих сущность и направленность нормативного воздействия. Как показывает исторический опыт, от римского частного права до современных экологических и информационных кодексов, именно принципы служат тем концептуальным каркасом, который придает регулированию системность, внутреннюю логику и ценностную определенность.

В отличие от правовых норм, содержащих конкретные предписания, принципы формулируют «основание для рассуждения в определенном направлении» и представляют собой «главные, определяющие, важнейшие структурные связи в объекте правового регулирования» [Чаннов, 2014, с. 47]. Принципы права, как подчеркивается в юридической доктрине, необходимы в случаях пробелов или юридических коллизий, «когда по каким-то причинам исчерпывающе решить вопрос о должном поведении, опираясь лишь на правовые нормы, нельзя» [Полякова, 2016, с. 17]. В сфере технологий искусственного интеллекта (ИИ) этот тезис обретает особую остроту и практическое измерение. Принципы становятся незаменимым инструментом для судов и регуляторов в условиях стремительного технологического прогресса, где детальные нормы часто отстают от реальности.

За последние несколько лет генеративные нейросети и многофакторные алгоритмические системы искусственного интеллекта вторглись в повседневность, создав беспрецедентные вызовы для правовых систем всех уровней – от локального до наднационального. Как отмечает глава Конституционного Суда РФ Валерий Зорькин,

«стремительное внедрение ИИ опережает темпы законотворческого процесса, порождая нормативный дефицит, который не может быть восполнен одной лишь судебной практикой»¹. То есть наблюдается явная асимметрия темпов технологического развития и законотворческого процесса. Пока законодательные органы обсуждают саму возможность правового регулирования технологий ИИ и вопросы применения к ним классических правовых конструкций деликтной ответственности, вины, причинно-следственной связи, системы ИИ уже подключены к принятию юридически значимых решений в коммерческом секторе, в трудовых отношениях, в медицинской диагностике, в государственном управлении, в сфере правосудия и т. д. Следствием этого отставания является формирование ситуаций правовой неопределенности, которые создают так называемый «разрыв ответственности» (accountability gap), когда за потенциальный вред, причиненный автономной системой, фактически никто не может быть привлечен к ответственности [Мельникова, 2024, с. 39]. Кроме того, применение и развитие систем ИИ ведет к возникновению спорных с точки зрения права ситуаций в таких аспектах, как конфиденциальность данных, интеллектуальная собственность на созданные ИИ продукты, правосубъектность систем ИИ, этические нормы использования систем ИИ и т. д. [Абламейко и Абламейко, 2021, с. 58].

Перед правовой наукой встает фундаментальный вопрос: каким образом традиционные принципы права – законность, справедливость, ответственность – могут быть адаптированы к автономным системам, способным самостоятельно генерировать информацию, принимать решения и обучаться в процессе функционирования? Какие новые принципы правового регулирования порождает реальность цифрового общества и как они могут быть реализованы в правоприменительной практике?

Цель настоящей работы – выйти за рамки простой констатации проблемы и предложить систематизированную теоретическую конструкцию принципов правового регулирования ИИ, способную служить методологическим фундаментом для законотворческой деятельности. Для достижения этой цели необходимо выявить и проанализировать концептуальный базис наиболее передовых национальных стратегий регулирования ИИ, а также понять механизмы его трансформации из этических постулатов в юридически обязывающие нормы.

Концептуальные различия национальных моделей правового регулирования технологий ИИ

Системный анализ научной литературы [Алферова и Скурко, 2026; Шейкин, 2025а,б; Ли Яо, 2023; Журков, 2022] позволяет выделить три концептуально различных подхода к правовому регулированию технологий искусственного интеллекта, сложившихся в ведущих юрисдикциях. В основе их дифференциации лежат фундаментальные расхождения в понимании соотношения публичных и частных интересов, роли государства в технологическом развитии и приоритетных ценностей, подлежащих защите. Условно

¹ Зорькин, В. (2024). Право и вызовы искусственного интеллекта. [Электронный ресурс]. *Российская газета*. 27 июня. URL: https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 07.08.2026).

данные модели могут быть охарактеризованы как *правозащитная* (европейская), делающая акцент на защите фундаментальных прав человека и верховенстве закона над технологической эффективностью; *рыночно-ориентированная* (американская), исходящая из примата инноваций и минимизации государственного вмешательства; *этатистская* (китайская), строящаяся на доминирующей роли государства в определении целей и границ технологического развития.

Европейская модель характеризуется сильным акцентом на защиту фундаментальных прав и осторожной траекторией развития ИИ. Эта модель демонстрирует постепенную эволюцию от этических принципов («мягкого права») к юридически обязывающим нормам, встраивая защиту прав человека непосредственно в конструкцию регуляторного механизма.

Европейский Союз первым в мире сконструировал комплексный нормативный акт – Регламент (ЕС) 2024/1689 «Об установлении гармонизированных правил в области искусственного интеллекта», вступивший в силу 1 августа 2024 г. (далее – AI Act)². Данный акт впервые в мировой практике устанавливает всеобъемлющий юридический режим для ИИ на внутреннем рынке, основанный на парадигме риск-ориентированного подхода, в соответствии с которым степень регуляторных обязательств коррелирует с уровнем потенциальной угрозы для прав и свобод человека. Такой подход подразумевает сбалансированное регулирующее воздействие, позволяя не препятствовать инновациям в областях с низким уровнем риска, одновременно устанавливая жесткие требования для систем, затрагивающих конституционно значимые сферы. Как справедливо подчеркивает А. И. Овчинников, AI Act знаменует собой рождение не просто технического регламента, а «конституционного акта цифровой эпохи» [Овчинников, 2025, с. 207].

Американская модель традиционно делает ставку на минимизацию государственного вмешательства, делая упор на отраслевые руководства и во многом делегируя решения по управлению ИИ саморегулированию и рыночным механизмам. Вместо одного закона регулирование строится через секторальный подход по конкретным сферам и реализуется через действия отдельных агентств – например, FDA регулирует ИИ-медицинские устройства, FTC борется с недобросовестной практикой и обманом потребителей, ЕЕОС следит за дискриминацией при найме и т. д.³

В январе 2025 г. президентом США Дональдом Трампом был подписан новый Исполнительный указ 14179 (Executive Order 14179) «Об устранении препятствий для американского лидерства в области искусственного интеллекта»⁴, который направлен

² Регламент № 2024/1689 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об установлении гармонизированных правил в области искусственного интеллекта, а также о внесении изменений в Регламенты (ЕС) 300/2008, (ЕС) 167/2013, (ЕС) 168/2013, (ЕС) 2018/858, (ЕС) 2018/1139 и (ЕС) 2019/2144 и в Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Акт об искусственном интеллекте)» (рус., англ.). (Принят в г. Брюсселе 13.06.2024). [Электронный ресурс]. Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=72965#uHshETVAL7tIUgem> (дата обращения: 07.08.2026).

³ Chadha, A. (2026). Enterprise AI Governance: Navigating US Sector and State Regulation. [Online]. *Mobiloitte*. Available at: <https://www.mobiloitte.us/blogs/enterprise-ai-governance-us-sector-state-regulation> (Accessed: 07 August 2026).

⁴ Removing Barriers to American Leadership in Artificial Intelligence. (2025). [Online]. *Presidential Actions*. 23 January. *The White House*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/removing-barriers-to-american-leadership-in-artificial-intelligence/> (Accessed: 07 August 2026).

на обеспечение глобального доминирования США в сфере ИИ за счет создания единой, минимально обременительной федеральной политики. Администрация Трампа провозгласила стратегию, направленную на «устранение регуляторных барьеров», мешающих развитию инноваций, среди которых одним из ключевых принципов указано требование, чтобы разрабатываемые в США системы ИИ были «свободны от идеологической предвзятости или навязанных социальных программ»⁵. В целом политику США в области ИИ можно охарактеризовать как «комбинацию дерегуляции, протекционизма, экспортной экспансии и жесткого технологического соперничества» [Славин, 2024, с. 113].

Китайская модель, напротив, представляет собой централизованную, государственно управляемую систему, которая ставит во главу угла внутренний контроль и защиту от внешних влияний, опирается на мощную идеологическую составляющую и нацелена на обеспечение социально-политической стабильности.

Надо сказать, что Китай был одной из первых стран, разработавших национальную стратегию в области ИИ, объявив в июле 2017 г. План развития искусственного интеллекта нового поколения. В дальнейшем он также первым в мире принял нормативные акты, регулирующие рекомендательные алгоритмы, «дипфейки» и генеративный ИИ. Китайская модель характеризуется высокой скоростью реагирования и итеративностью регулирования (принятие акта, его апробация на практике, последующая корректировка)⁶.

При этом Китай вместо одного «главного» закона об ИИ выбрал путь «маленьких, быстрых и точных» (small, swift, and effective – SSE) нормативных актов, позволяющих оперативно отвечать на конкретные риски, не дожидаясь принятия громоздкого и потенциально устаревшего ко времени его принятия закона. Поэтому многие важнейшие нормативные акты в этой области изначально объявлены как временные (например, «Временные меры по управлению генеративными ИИ-сервисами» (2023), «Временные меры по управлению сервисами антропоморфного ИИ» (2026)). Такая тактика позволяет Китаю накопить достаточный опыт регулирования и избежать ошибок, прежде чем вводить единые и жесткие правила. Считается, что общий закон появится, когда прояснятся реальные риски и результаты пилотных проектов [Филипова, 2024, с. 53]. Научным сообществом Китая уже разработаны два законопроекта об ИИ (2023 и 2024 гг.), которые некоторые исследователи называют «образцами комплексного регулирования сферы искусственного интеллекта» [Шейкин, 2025а, с. 39], однако китайский законодатель все еще не спешит с принятием единого всеобъемлющего закона. Поэтому можно говорить, что текущее положение правового регулирования ИИ в Китае – это не отставание, а целенаправленный процесс накопления практического опыта и подготовки фундамента для более зрелого и эффективного законодательства в будущем.

Что касается *России*, то сегодня российская правовая система находится на этапе формирования упорядоченной системы правового регулирования технологий ИИ. В настоящее время в российской правовой науке и нормотворчестве происходят важные изменения, которые развиваются в правовом русле Национальной стратегии развития

⁵ Trump Administration Takes Major Steps Toward Comprehensive Federal AI Regulation. (2026). [Online]. Latham & Watkins. Available at: <https://www.lw.com/en/insights/trump-administration-takes-major-steps-toward-comprehensive-federal-ai-regulation> (Accessed: 07 August 2026).

⁶ China's 2025 AI Governance: A Comprehensive Regulatory Review. (2025). [Online]. AI Law – International Review of Artificial Intelligence Law. Available at: https://www.reviewofailaw.com/Tool/Evidenza/Single/view_html?id_evidenza=4912 (Accessed: 07 August 2026).

искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, и Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р. Наша страна выбрала путь последовательного формирования нормативной базы в сфере ИИ, начиная с документов стратегического планирования и постепенно переходя к специализированным законам. На сегодняшний день правовую основу регулирования технологий ИИ в РФ составляют:

- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», который остается краеугольным камнем для любых ИИ-проектов, работающих с данными, особенно в части обеспечения защиты прав и свобод человека, в том числе права на неприкосновенность частной жизни и личную тайну;

- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», закладывающий базовые принципы работы с информацией в цифровой среде для обеспечения безопасности данных в ИИ-системах;

- Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», который создает правовой каркас для тестирования новых технологий в ограниченном режиме – так называемых «регуляторных песочниц».

Новейшим этапом стало принятие Федерального закона от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Закон об ИИ), вступающего в силу с 1 сентября 2026 г. Это первый профильный закон, который целенаправленно регулирует данную сферу. Он задает рамочные правила для разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей ИИ (с количеством параметров не менее 1 млрд.). Его целями являются создание правовых условий для ускоренного внедрения таких моделей в ключевых отраслях экономики, социальной сфере и государственном управлении, обеспечение технологической независимости и безопасности.

Таким образом, российское правовое регулирование технологий ИИ осуществляется по нескольким основным направлениям, включающим стратегическое целеполагание, экспериментальный подход к апробации новых регуляторных механизмов и поэтапное отраслевое регулирование с акцентом на поддержку развития ИИ и защиту национальных интересов.

Статья 4 Закона об ИИ закрепляет девять базовых принципов правового регулирования, на которых, по версии законодателя, должно строиться нормативное сопровождение развития технологий ИИ в России в формате больших фундаментальных моделей. Среди таковых названы: обеспечение благоприятных условий для разработки, внедрения и применения ИИ; технологическая независимость страны в этой сфере; обеспечение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина; уважение автономии и свободы воли человека; риск-ориентированный подход к регулированию; учет и уважение традиционных российских духовно-нравственных ценностей; поддержка российских разработчиков; развитие международного сотрудничества; безопасность для государства, физических и юридических лиц.

Научное и профессиональное сообщество юристов выразило критическую позицию относительно формулировок норм Закона об ИИ, указывая на фундаментальный разрыв между декларируемыми целями и реальным нормативным содержанием этих принципов [Бычков, Бычкова, 2026].

Основная претензия к статье 4 Закона об ИИ заключается в том, что принципы, закрепленные в ней, существуют в отрыве от конкретных механизмов их реализации. Как справедливо говорят практикующие юристы, норма-принцип становится бессмысленной, если отсутствует инфраструктура материальных норм, которую этот принцип призван направлять⁷. Принцип без гипотезы, диспозиции и санкции не может служить основанием для разрешения споров в суде, не дает четких ориентиров для разработчиков при выстраивании комплаенса и не создает предсказуемости для правоприменителя. В отсутствии детализированных материальных норм принципы превращаются в пустые декларации, неспособные стать руководством к действию.

Наиболее дискуссионной новеллой стал принцип учета традиционных российских духовно-нравственных ценностей, являющийся уникальной особенностью российского закона⁸. Сама по себе задача ценностной адекватности моделей ИИ не вызывает возражений – важно, чтобы технологии соответствовали культурному коду общества, в котором они применяются. Однако культурный код модели определяется не декларацией ценностей в тексте закона, а составом данных, на которых она обучалась. Провозгласить ценности, но не задать механизм их внедрения в модель и порядок оценки соответствия – значит принять норму, заведомо не достигающую цели.

Можно предположить, что российский законодатель, вводя требование соответствия ИИ традиционным духовно-нравственным ценностям, ориентируется на китайскую модель идеологического контроля над технологиями, где соответствие социалистическим ценностям служит не рекомендацией, а юридически обязывающим императивом [Харитонов, 2025, с. 137]. Однако в Китае это не декларативный, а глубоко институционализированный процесс. Там выстроена многоуровневая система правовых механизмов, которая пронизывает все этапы жизненного цикла ИИ: от сбора данных и разработки модели до ее вывода на рынок и последующего мониторинга. Кроме того, соблюдение социалистической морали в Китае обеспечивается через всепроникающую систему административных и технических правоприменительных механизмов, потому что китайское общество и вся его инфраструктура так или иначе функционируют в социалистической идеологической среде, которая ставит социальную стабильность и соблюдение общественных интересов выше рыночной свободы. А как будет обеспечиваться «идеологическая чистота» технологий ИИ в нашей стране – вопрос открытый. Сложно представить на практике реализацию требования приоритета духовного над материальным (который входит в официально утвержденный перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁹) при использовании ИИ в стране с рыночной капиталистической экономикой и с соответствующими правовыми и социальными институтами.

⁷ Шварцман, Я. (2026). Новый законопроект о поддержке ИИ: снова красивая вывеска и поддержка избранных. [Электронный ресурс]. *Zakon.ru*. URL: https://zakon.ru/blog/2026/06/26/novaya_redakciya_zakona_ob_ii_i_snova_krasivaya_vyveska_i_podderzhka_izbrannykh (дата обращения: 07.08.2026).

⁸ Бизнес просит доработать законопроект о регулировании ИИ. (2026). [Электронный ресурс]. *BFM.ru*. URL: <https://www.bfm.ru/news/604006> (дата обращения: 07.08.2026).

⁹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». (2022). [Электронный ресурс]. *Официальный интернет-портал правовой информации*. 09 ноября. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.08.2026).

Таким образом, сквозной дефект статьи 4 Закона об ИИ видится в том, что ее принципы, при всей их политической значимости, не порождают реального регулирования, а лишь создают зону правовой неопределенности, оставляя пространство для субъективного толкования и избирательного правоприменения. Закон, призванный стать фундаментом регулирования ИИ, на деле оказался рамочным и фрагментарным, он оставил без ответа большинство острых правовых вопросов, которые уже возникают на практике. Реальное нормативное содержание закона фактически отложено до принятия будущих подзаконных актов, что ставит под сомнение его эффективность как системообразующего документа в сфере правового регулирования ИИ.

Вместе с тем выработка системы принципов – не технический, а сущностный этап формирования любой отрасли права. Это не просто теоретическая конструкция, а практический инструмент, позволяющий праву оставаться адекватным динамике социального прогресса, не утрачивая своего гуманистического содержания. Сравнительный анализ национальных моделей регулирования ИИ демонстрирует, что каждая из них формировалась под влиянием специфических для соответствующей правовой системы факторов. Европейская модель делает акцент на защите фундаментальных прав человека и верховенстве закона; американская – на свободе рыночных отношений и минимизации бюрократических барьеров; китайская – на активной регулирующей роли государства и построении единого идеологического базиса под все сферы применения технологий ИИ. Ключевым вызовом для российской правовой системы остается преодоление разрыва между стремительными темпами технологического развития и инерционностью законотворческого процесса. Однако этот разрыв является следствием не только технологического детерминизма, но и отсутствия адекватной концептуальной основы, которая позволяла бы праву не догонять технологию, а задавать ей ценностные и регуляторные ориентиры. Представляется, что восполнить этот пробел можно только через выработку системы принципов, которая позволит перейти от декларативного правотворчества к прогностическому моделированию правового воздействия. Во второй части настоящего исследования предлагается рассмотреть эффективные элементы для имплементации в российскую правовую систему с предложением системы ключевых правовых принципов, которая, по мнению автора, способна сформировать непротиворечивую и соответствующую моменту логику правового сопровождения разработки и применения технологий ИИ. Полагаем, что это позволит сократить разрыв между реально существующей практикой использования технологий ИИ и нормативно-правовым обеспечением соответствующих отношений в Российской Федерации.

Список литературы / References

Абламейко, С. В., Абламейко, М. С. (2021). Искусственный интеллект в междисциплинарной перспективе: философско-правовые аспекты. *Философские науки*. Т. 64. № 5. С. 57-70.

Ablameyko, S. V., Ablameyko, M. S. (2021). Artificial Intelligence in an Interdisciplinary Perspective: Philosophical and Legal Aspects. *Philosophical Sciences*. Vol. 64. No. 5. Pp. 57-70. (In Russ.)

Алферова, Е. В., Скурко, Е. В. (2026). Международные и национальные особенности правового регулирования искусственного интеллекта: опыт России, Китая, Индии. *RUDN Journal of Law*. Т. 30. № 2. С. 215-232. DOI: 10.22363/2313-2337-2026-30-2-215-232.

Alferova, E. V., Skurko, E. V. (2026). International and National Features of the Legal Regulation of Artificial Intelligence: The experience of Russia, China, and India. *RUDN Journal of Law*. Vol. 30. No. 2. Pp. 215-232. DOI: 10.22363/2313-2337-2026-30-2-215-232. (In Russ.)

Бычков, А. В., Бычкова, А. М. (2026). Способен ли проект закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» стать «ИИ-конституцией»? *Пролог: журнал о праве*. № 2. С. 37-53. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.4.37-53.

Bychkov, A. V., Bychkova, A. M. (2026). Is the Draft Law “On the Fundamentals of State Regulation of the Spheres of Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation” Capable of Becoming an “AI Constitution”? *Prologue: Law Journal*. No. 2. Pp. 37-53. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.2.4.37-53. (In Russ.)

Журков, А. А. (2022). Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта: международно-правовой опыт. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. № 4 (92). С. 186-194.

Zhurkov, A. A. (2022). Ethical Aspects of the use of Artificial Intelligence Systems: International Legal Experience. *Vestnik of the O. E. Kutafin University (MSAL)*. No. 4 (92). Pp. 186-194. (In Russ.)

Ли Яо. (2023). Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 16. № 3. С. 245-267.

Li Yao. (2023). Regulatory and Legal Regulation of Generative Artificial Intelligence in the UK, the USA, the European Union, and China. *Right. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 16. No. 3. Pp. 245-267. (In Russ.)

Мельникова, Е. Н. (2024). Наднациональное правовое регулирование искусственного интеллекта как инструмент распределения ответственности за причиненный вред (опыт Евросоюза). *Российский юридический журнал*. № 2. С. 38-54.

Melnikova, E. N. (2024). Supranational Legal Regulation of Artificial Intelligence as a tool for Distributing Liability for Harm Caused (the EU experience). *Russian Law Journal*. No. 2. Pp. 38-54. (In Russ.)

Овчинников, А. И. (2025). Регламент Евросоюза об искусственном интеллекте: эксперимент в сфере правового регулирования цифровых технологий. *Юридическая техника*. № 19. С. 207-209.

Ovchinnikov, A. I. (2025). The EU Regulation on Artificial Intelligence: An Experiment in the Legal Regulation of Digital Technologies. *Legal Technique*. No. 19. Pp. 207-209. (In Russ.)

Полякова, Т. А. (2016). Базовые принципы как основные начала правового обеспечения информационной безопасности. *Труды Института государства и права Российской академии наук*. № 3. С. 17-40.

Polyakova, T. A. (2016). Basic Principles as the Fundamental Foundations of the Legal Framework for Information Security. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. No. 3. Pp. 17-40. (In Russ.)

Славин, Б. Б. (2024). Искусственный интеллект как фактор трансформации государства и общества: поиск баланса между управленческой эффективностью и человекоориентированностью. *Философские науки*. Т. 67. № 3. С. 99-122.

Slavin, B. B. (2024). Artificial Intelligence as a Factor in the Transformation of the State and Society: Finding a Balance between Managerial Efficiency and Human-Centricity. *Philosophical Sciences*. Vol. 67. No. 3. Pp. 99-122. (In Russ.)

Филипова, И. А. (2024). Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая. *Journal of Digital Technologies and Law*. Т. 2. № 1. С. 46-73.

Filipova, I. A. (2024). Legal Regulation of Artificial Intelligence: The Experience of China. *Journal of Digital Technologies and Law*. Vol. 2. No. 1. Pp. 46-73. (In Russ.)

Харитонов, Ю. С. (2025). Правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта: уроки китайского права. *Lex russica*. № 78 (5). С. 130-138.

Kharitonova, Yu. S. (2025). Legal Approaches to Regulating Artificial Intelligence: Lessons from Chinese Law. *Lex russica*. No. 78 (5). Pp. 130-138. (In Russ.)

Чаннов, С. Е., Магомедов, Ф. Б. (2014). Принципы права: сущность и значение в правовой системе. *Гражданин и право*. № 3. С. 47-60.

Channov, S. E., Magomedov, F. B. (2014). Principles of Law: Essence and Significance in the Legal System. *Citizen and Law*. No. 3. Pp. 47-60. (In Russ.)

Шейкин, А. Г. (2025a). Правовое регулирование искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике: состояние, перспективы, сравнительный анализ законопроектных предложений (часть 1). *Пролог: журнал о праве*. № 1. С. 38-54.

Sheikin, A. G. (2025a). Legal Regulation of Artificial Intelligence in the People's Republic of China: State, Prospects, and Comparative Analysis of Legislative Proposals (Part 1). *Prologue: Law Journal*. No. 1. Pp. 38-54. (In Russ.)

Шейкин, А. Г. (2025b). Правовое регулирование искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике: состояние, перспективы, сравнительный анализ законопроектных предложений (часть 2). *Пролог: журнал о праве*. № 2. С. 43-56.

Sheikin, A. G. (2025b). Legal Regulation of Artificial Intelligence in the People's Republic of China: State, Prospects, and Comparative Analysis of Legislative Proposals (Part 2). *Prologue: Law Journal*. No. 2. Pp. 43-56. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Абакумова Екатерина Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; доцент кафедры гражданского права Новосибирского военного ордена Жукова института им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2, e-mail: civilization1981@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2340-3032>.

Статья поступила в редакцию: 15.08.2026

После доработки: 03.09.2026

Принята к публикации: 10.09.2026

Abakumova Ekaterina – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Social and Legal Research of the Institute of Philosophy and Law of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8; Associate Professor of the Civil Law Department of the Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe Plateau Str., 6/2, e-mail: civilization1981@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2340-3032>.

The paper was submitted: 15.08.2026

Received after reworking: 03.09.2026

Accepted for publication: 10.09.2026